

Александр Марей

Ольга Тогоева

Григорий Бакус

Ольга Чумичева

ТРИ ТУРСКИХ ЛИВРА ЗА ГОРШОК МУХ, ИЛИ КАК БРАТЯ-ФРАНЦИСКАНЦЫ ПОСЛУЖИЛИ АЛЬФОНСО Х¹

Летом 1261 г. Альфонсо X во главе войска выступил из Севильи и вскоре осадил город Ньеблу. Осада длилась около девяти месяцев и завершилась взятием города к концу февраля следующего, 1262 г.² В ходе осады, как повествуют источники, король столкнулся с непредвиденным препятствием – к исходу девятого месяца стояния под Ньеблой над лагерем кастильцев появились полчища мух. Их было столько, что никто из войска не мог ничего съесть, ибо все оказалось облеплено насекомыми. В лагере началась моровая болезнь, люди стали массово умирать. Не в силах справиться с этой напастью, король приказал было свернуть лагерь и снять осаду, но дело спасло чудо, хотя и весьма своеобразное. Короля остановили два брата-францисканца, находившиеся среди его воинства. Они предложили достаточно оригинальное решение проблемы – платить каждому, кто принесет Альфонсо двухлитровую емкость с мухами, три серебряных турецких ливра. Менее, чем за неделю проблема была решена, мух переловили, осада продолжилась, и Ньебла вскоре сдалась. В этой, относительно короткой и, казалось бы, незначительной истории внимание исследователя привлекают сразу несколько моментов. Во-первых, сами источники, в которых оказалось описано данное событие; во-вторых, та роль, что сыграли здесь францисканцы (и почему именно они); наконец, в-третьих, с какой целью интересующий нас эпизод был включен в хроники. Попробую разобрать эти вопросы по порядку.

1. Источники

Для кастильского монарха осада Ньеблы была событием достаточно значимым, прежде всего потому, что, по его же собственному признанию, этот город был первым, который он лично взял после своего вступления на трон³, а кроме того потому, что одержанная победа позволила ощутимо укрепить позиции Альфонсо X в его споре с королем Португалии о контроле над областью Альгарве⁴. Однако, как это ни странно, ни осада, ни взятие Ньеблы не нашли отражения ни в одной из историй и хроник, составлявших в эпоху Мудрого короля⁵.

Рассказы об осаде появились в источниках позднее. Самый подробный из них занимает всю шестую главу «Хроники Альфонсо X», составленной при дворе его внука, короля Кастилии и Леона Альфонсо XI, канцлером двора Фернандо Санчесом де Товар. Позднее этот текст послужил основой для рассказа о взятии Ньеблы, включенного в так называемую «Всеобщую хронику 1344 года», написанную Педро Альфонсо, графом де Барселос, – внебрачным сыном португальского короля Диниша I и, соответственно, правнуком Альфонсо X Мудрого. Однако есть и еще одна хроника, сохранившая историю об осаде Ньеблы. С легкой руки Диего Каталана, первым введшего ее в оборот, она получила название «История в диалогах до 1288 года» (*Historia hasta 1288 dialogada*)⁶.

События, описываемые в ней, начинаются со взятия Севильи войсками Фернандо III и завершаются казнью кастильского магната Диего Лопеса де Аро в замке Альфаро в 1288 г. по приказу Санчо IV. Стоит отметить, что ни одной самостоятельной рукописи «Истории» не существует: во всех сохранившихся кодексах она предстает своеобразным продолжением перевода на старокастильский «Готской истории» архиепископа Родриго Хименеса де Рада. Точная дата составления «Истории», как и личность ее автора, стали предметом серьезной историографической дискуссии, тянущейся по сей день.

Диего Каталан предложил датировать памятник временем малолетства Фернандо IV, т.е. самым концом XIII – первыми годами XIV в., и отметил характерную стилистическую особенность текста – то, что «История в диалогах» представляет собой, скорее, подборку разрозненных историй и анекдотов, нежели единое повествование⁷. Опираясь на это заключение, Леонардо Фунес предположил, что «История» составлялась не при королевском дворе, а в кругах знати. С данным обстоятельством оказалась связана, по его мнению, и потеря единой логики повествования, свойственной писателям круга Альфонсо Мудрого и их преемникам. В вопросе о времени составления текста Фунес предложил скорректировать датировку Д. Каталана в сторону небольшого ее удрежнения. По его мнению, «История в диалогах» была составлена в правление Санчо IV с тем, чтобы представить альтернативную королевской точке зрения на политические события 1274–1288 гг.⁸ Наконец, Мануэль Ихано Вильегас, опубликовавший одну из основных рукописей кастильского текста «Готской истории», предложил радикально иную датировку «Истории». Согласно его версии, этот текст возник в правление Альфонсо XI, незадолго до написания знаменитых «Хроник трех королей», т.е. в 30-е гг. XIV в.⁹ По мнению М. Ихано, «История в диалогах» была написана при королевском дворе и главной своей целью имела легитимировать правящую династию, примиряя во многом сторонников Санчо IV с соратниками его отца¹⁰.

Свое собственное мнение о целях составления «Истории в диалогах» я позволю себе изложить ниже. Пока же отмечу, что все перечисленные мной авторы, несмотря на некоторые разногласия, единодушны в том, что этот текст появился раньше «Хроники Альфонсо X», что и позволяет предположить, вслед за Мануэлем Гонсалесом Хименесом и уже упомянутым

Мануэлем Ихано, что Фернан Санчес де Товар использовал ее в качестве одного из источников своего труда. В пользу данной версии говорит, в частности, и то, что история осады Ньеблы, с одной стороны, изложена в «Хронике Альфонсо X» значительно подробнее, чем в «Истории в диалогах», а с другой – содержит ряд ошибок, прежде всего, хронологических, которых нет во втором тексте. Есть и еще один момент, на который также следует обратить внимание.

Когда францисканцы дают королю совет о том, как справиться с мухами, они, согласно «Истории в диалогах», предлагают ему заплатить за каждый альмуд¹¹ насекомых три турецких ливра серебром¹². Турский ливр представлял собой денежную единицу, впервые введенную в обращение Людовиком IX Святым в 1260 г. и практически сразу ставшую эталонной серебряной монетой для всей Европы. Альфонсо X, проводивший самостоятельную финансовую и монетарную политику, старался не допускать хождения иностранных денежных средств на территории королевства. Незадолго до смерти, в 1281 г. он предпринял попытку повторить достижение своего французского двоюродного деда и одновременно тестя своего старшего сына¹³, выпустив в обращение так называемый серебряный мораведи и его «младшего брата» – полумораведи. Поэтому, пока у власти оставался Мудрый король, турецкого ливра на территории Кастилии не было, о чем говорит, в частности, то, что в актов, нормативных и нарративных источниках эпохи Альфонсо X эта монета ни разу не упоминается¹⁴. Наследники Альфонсо Мудрого не обладали ни его политической волей, ни равным ему политическим весом, и, возможно, поэтому, хотя они и пытались продолжать чеканку серебряного мораведи, он вскоре оказался вытеснен турецким ливром¹⁵.

Уже в регентство королевы Марии де Молина при малолетнем короле Фернандо IV турецкий ливр стал достаточно распространенным средством финансовых расчетов¹⁶ и оставался таковым в период, когда Фернандо IV правил уже самостоятельно¹⁷. Однако в дальнейшем из-за дороговизны серебра в Кастилии, а также из-за возросшей монетарной активности соседних королевств под этим именем в Кастилии ходили не только собственно турецкие ливры, но также имевшие меньший вес и содержание серебра барселонские ливры, португальские ливры чеканки короля Диниша I и даже старые стерлинги¹⁸.

Таким образом, с одной стороны, упоминание серебряного турецкого ливра в качестве средства оплаты позволяет косвенно датировать составление «Истории в диалогах» временем правления как минимум Санчо IV, а скорее – периодом малолетства Фернандо IV и регентства королевы Марии де Молина. С другой стороны, обращает на себя внимание одно разночтение между «Историей в диалогах» и «Хроникой Альфонсо X» в описании рассматриваемого эпизода. Согласно первому из этих источников, монахи, как уже говорилось, предложили королю объявить награду в 3 турецких ливра за один альмуд мух. Согласно же «Хронике Альфонсо X», награда составляла не 3, а 2 турецких ливра серебром¹⁹. Что это было – случайная ошибка переписчика или невнимательность Фернана Санчеса де Товар к незначительному, по его мнению, обстоятельству?

Второе предположение возможно, хотя и маловероятно. Автор «Хроники Альфонсо X», когда хотел, умел быть исключительно внимательным к деталям. Это следует хотя бы из сравнения двух приведенных выше фрагментов о совете, данном монахами. Составители «Истории в диалогах» сообщали, что мух приказали собирать и приносить в королевский шатер, и было их столько, что ими в итоге набили два амбара. Санчес де Товар, однако, поправлял: шатер, куда несли мух, принадлежал не королю, а самим нищенствующим братьям, и некие «два амбара» превратились под его пером в «два старых амбара, стоявших там издавна». Эти изменения оказались внесены автором в заведомо вымышленную историю, чтобы придать ей чуть больше реалистичности, несмотря на то, что ни одно из данных обстоятельств дела подтвердить или опровергнуть в принципе не представлялось возможным. Вопрос же о денежных единицах изначально относился к другой, более важной сфере. Понятно, что автор «Хроники Альфонсо X» вводил в контекст времени Альфонсо Мудрого реалии эпохи его правнука – Альфонсо XI, это следует из самой природы хроники как жанра. И понятно, что, указывая сумму вознаграждения, объявленного францисканцами за горшок мух, он корректировал ее, дабы она выглядела правдоподобной в глазах его читателей.

Борьба с берберами-маринидами требовала от Альфонсо XI напряжения всех сил его королевства. Как неоднократно отмечалось исследователями, в ходе борьбы за Тарифу и Альхесирас кастильскому монарху приходилось прибегать к крайне непопулярным мерам, среди которых были не только сбор всех старых податей, в том числе и церковных, в пользу короны, но и увеличение алькабалы (налога на торговые сделки)²⁰. В период подготовки осады Альхесираса Альфонсо XI пошел даже на эмиссию порченной монеты с меньшим содержанием серебра²¹, дабы скомпенсировать нарастающую инфляцию. Эта политика, в сочетании с относительно небольшим количеством серебра, находившегося в обращении в Кастилии (сравнительно с количеством золота и меди), привела к удорожанию настоящей серебряной монеты, образцом которой служил турецкий ливр²².

Поэтому если для конца XIII или начала XIV в., когда, по всей видимости, писалась «История в диалогах», награда в 3 турецких ливра за альмуд мух выглядела большой, но не чрезмерной, то для 40-х гг. XIV столетия она уже казалась неправдоподобной, что и привело Фернана Санчеса де Товар к необходимости снизить цифру. Что же касается графа де Барселос, то он, составляя хронику, просто перенес казус с мухами и турецкими ливрами в свой текст, не внося туда более никаких изменений. Таким образом, как представляется, можно утверждать, что первоначальным источником интересующего нас сюжета являлась именно «История в диалогах». Составители заимствовали его, скорее всего, из устных источников и вставили в свою хронику по причинам, о которых я еще скажу ниже. Автор «Хроники Альфонсо X» скопировал этот эпизод, несколько дополнив его и подправив в части экономических реалий. В последующей же традиции рассказ о францисканцах, мухах и турецких ливрах остался без каких бы то ни было значимых изменений.

2. Почему францисканцы?

Если внимательно присмотреться к нашей истории, можно увидеть, что композиционно она следует классическому построению традиционной волшебной сказки (что, кстати, выдает ее изначально устный характер). Главный герой совершает какой-то значимый подвиг, но, когда его дело уже близко к завершению, противник изобретает очередное препятствие на его пути, или же возникает некая третья сила, которая мешает главному герою. Однако, когда тот уже хочет отступить от своего замысла, появляется чудесный помощник, который дает главному герою совет, как избавиться от напасти, или сам помогает ему. В результате, как правило, герой побеждает всех своих врагов и вознаграждает помощников по заслугам. Истории такого типа периодически встречаются, например, в «Истории Испании», известной также как «Первая всеобщая хроника» Альфонсо X.

Ситуации, описываемые в ней, обычно достаточно стандартны и внешне похожи на казус с осадой Ньеблы. Так, в 690-й и в 698-й главах «Истории Испании» рассказывается о событиях, происходивших с графом Кастилии Фернаном Гонсалесом во время его боев с маврами, когда ему помогал советом монах по имени Пелайо, а в главе 807 – о взятии королем Фернандо I города Коимбры и о той помощи, что была оказана ему монахами из близлежащего монастыря. При этом, если в случае с Фернаном Гонсалесом помощь заключалась в пророчествах, которые давал ему Пелайо, то монахи из монастыря Лорбан (сейчас *Lorvão* в Португалии) выручили Фернандо I припасами, подержав силы его войска. Однако у истории про мух и турецкие ливры есть несколько значимых отличий, на которых следует остановиться.

Во-первых, в приведенных выше казусах из «Истории Испании» помощь, оказанная монахами, имела или полностью, или по большей части мистический характер. Так, монах Пелайо сначала при жизни пророчествовал Фернану Гонсалесу, а затем, уже после своей смерти, чудесным образом явился графу и пообещал ему Божественную помощь в битве с Альмансором²³. Помощь монахов из Лорбана поначалу также не воспринималась как нечто сверхъестественное, т.к. они всего лишь снабдили войско короля Фернандо I необходимой ему провизией. При ближайшем рассмотрении, однако, ситуация представляла почти классическим чудом. Согласно тексту «Истории Испании», король привел под стены Коимбры огромное войско, окружил город, выставив против него осадные орудия и даже, как особо отмечает хронист, деревянные замки. К исходу последнего, седьмого, года осады столь могучему войску перестало хватать еды. И вот тут, как нельзя кстати, оказались монахи из Лорбана, которые жили там «от трудов рук своих, и имели запасы и пшеницы, и ячменя, и проса, и овощей, а мавры о том не знали». Этими запасами святые братья и поделились с королем и его армией, благодаря чему осада Коимбры была успешно завершена²⁴.

Однако сколь бы велик ни был тот монастырь (а большим он не мог быть, как говорится, по условиям задачи – ведь стоял он в землях мавров, и монахи жили там не на сборы с соседних деревень, а плодами собственных трудов), все же его запасов вряд ли могло хватить на пропитание большого королевского войска. Так что и здесь, по всей видимости, не обошлось без

Божественного вмешательства. Это подтверждается и следующими строками той же главы «Истории Испании», где повествуется о чуде, совершенном св. Иаковом при взятии Коимбры²⁵.

В истории же об осаде Ньеблы факт чуда вроде бы подтверждался, но прямо не проговаривался. В любом случае, всякая мистика отсутствовала здесь полностью. Более того, совет, данный монахами королю, имел, скорее, экономико-социологическую, нежели богословскую природу. От короля не требовалось ни молиться, ни призывать какого-либо святого, но всего лишь объявить награду за ловлю определенного количества мух. При этом монахи очень точно рассчитали, что войско короля делилось на два основных класса – рыцарей (*caualleros*) и тех, кого хронист называет *gente menuda*, т.е. представителей простого сословия, «меньших людей». И если первые были заняты в основном осадой и видели свою корысть в том, чтобы взять как можно скорее вражеский город и разграбить его, то для простолюдинов подобное объявление от имени короля давало шанс неплохо заработать. Более того, в отличие от рыцарей, для которых, по всей видимости, три турецких ливра, объявленных в награду за альмуд мух, не представляли сколько-нибудь серьезного экономического интереса²⁶, для пехотинцев, получавших меньше, это был серьезный стимул заняться охотой на насекомых. Иными словами, история действительно чудесного избавления войска от напасти прочитывалась в нашем тексте в совершенно светском, «нечудесном» ключе.

Второе отличие, которое требует пристального внимания, заключается в личности помощников короля: совет о том, как справиться с возникшей проблемой, королю давали монахи-францисканцы. Само по себе слово *frayles* (*frayres, freyres, freyles*) могло означать не только членов ордена св. Франциска, но и доминиканцев, равно как и рыцарей военно-монашеских орденов. Но хронист, составлявший «Историю в диалогах», уточняет, что это были «босоногие братья» (*frayles descalzos*)²⁷, т.е. именно францисканцы. Любопытно, что в «Хронике Альфонсо X» определение *descalzos* исчезает: там рассказчик говорит просто о двух «братьях» (*frayres*), так это остается и во «Всеобщей хронике 1344 года» Педро, графа Барселоса²⁸. Однако автор исходного повествования, повторю, посчитал нужным уточнить, что это были не абстрактные «монахи», но члены ордена «братьев меньших», последователи Франциска Ассизского. Почему ему показалось это важным? Чтобы ответить на этот вопрос, придется коротко обратиться к истории ордена францисканцев в королевстве Кастилии в XIII – первой половине XIV в.

Францисканские конвенты появились в Кастилии в правление короля Фернандо III Святого, практически сразу после создания этого ордена. Уже в 1217 г. была основана францисканская провинция Испания, которую в 1233 г. реорганизовали в три других – Сантьяго, Кастилия и Арагон. К 1265 г., когда в результате принятия «Нарбоннских конституций» Бонавентуры (1260 г.) провинции были разделены на кустодии, Кастилия насчитывала 44 конвента, объединенных в 8 кустодий, в то время как в Сантьяго действовали 42 конвента, не считая конвентов кларисс – женского крыла ордена св. Франциска²⁹. Основными соперниками францисканцев, как известно, выступали представители другого нищенствующего ордена – ордена проповедников, более известного как доминиканцы.

Как и эти последние, последователи св. Франциска оседали преимущественно в городах, и при их конвентах также открывались школы, иногда претендовавшие на университетский статус³⁰. Наконец, как и доминиканцы, – и, возможно, даже в большей степени – францисканцы были ориентированы на взаимодействие с местной знатью. Многие сеньоры выбирали себе исповедников среди босоногих братьев, а в завещаниях зачастую устанавливали местом своего захоронения францисканский конвент, что нередко приводило к жестоким конфликтам нищенствующих братьев с епископом того или иного диоцеза³¹.

Как видно из динамики распространения нищенствующих братьев в Кастилии, они пользовались покровительством не только папской, но и монаршей власти. Короли выдавали францисканцам различные привилегии, часто поддерживали их в конфликтах с местным клиром, временами сами основывали конвенты³². Начиная с правления Фернандо III члены нищенствующих орденов прочно заняли место королевских исповедников. Но если у самого Фернандо все трое его исповедников принадлежали к ордену доминиканцев, то начиная с Альфонсо X ситуация начала потихоньку меняться³³. Одним из наставников, приглашенных Фернандо Святым для воспитания старшего сына и наследника, стал францисканец, известный под именем Педро Гальего († 1267) – знаменитый переводчик и позже первый епископ Картахены³⁴. В бытность Альфонсо инфантом Педро являлся не только его наставником, но и исповедником. В последующие годы на этом посту его сменил архиепископ Севильи, доминиканец Раймунд Лосана, а Педро Гальего остался другом и сотрудником Альфонсо (в 20-е гг. XX в. в литературе даже выдвигалась версия, весьма, впрочем, шаткая, об участии Педро Гальего в работе над «Семью Партидами»³⁵).

Под влиянием ли Педро Гальего или же собственной жены, королевы Виоланты, окружившей себя францисканцами, в наставники старшему сыну, инфанту дону Санчо, Альфонсо X также выбрал францисканского монаха – доктора богословия и кустода францисканского ордена в Саморе. Хуан Хиль де Самора прославился как блестящий интеллектуал, автор трудов в области истории и естественных наук, нескольких ярких биографий (среди которых следует отметить жизнеописания Фернандо III и Альфонсо X, созданные им для своего воспитанника) и многих проповедей. Наиболее известен его трактат «О восхвалении Испании» (*De praeconiis Hispaniae*)³⁶, выполненный в жанре пространного зеркала правителя. В нем автор одновременно рассказывал историю Испании до правления короля Альфонсо Мудрого (трактат датируется 1278 г.) и обучал наследного инфанта тому, каким должен быть настоящий король.

Выросший под влиянием выдающегося францисканца Санчо IV на протяжении практически всего своего правления чрезвычайно благоволил к ордену босоногих братьев. В 1285 г. он даровал им привилегию, позволявшую свободно и беспрепятственно проповедовать и основывать свои конвенты по всему королевству, а нескольким наиболее крупным конвентам были и вовсе предоставлены полная королевская защита и покровительство³⁷. Из числа францисканцев происходили исповедники самого Санчо

IV, его супруги, королевы Марии де Молина, и их сына – будущего короля Фернандо IV. Наконец, по свидетельству хрониста Хофре де Лоайсы³⁸, перед смертью Санчо принял францисканские обеты и был похоронен в соборе Толедо как член ордена³⁹. Более того, как известно из его торжественной грамоты с круглой печатью, адресованной собору Толедо⁴⁰, первоначально он завещал похоронить себя во францисканском конvente этого города и лишь позднее изменил свою волю⁴¹.

Гегемония францисканцев при королевском дворе Кастилии сохранялась в период регентства Марии де Молина и впоследствии, в правление ее сына, короля Фернандо IV. Только при внуке Санчо Храброго, Альфонсо XI, ведущие позиции в регулировании духовной жизни двора возвратились к доминиканцам: четверо из пяти исповедников короля принадлежали именно к этому ордену⁴².

Возможно, именно францисканские симпатии Санчо IV и стали причиной введения в текст «Истории в диалогах» босоногих братьев как важных действующих лиц. Хроника, как это было доказано рядом исследователей, создавалась в близких к Санчо IV кругах знати, поддерживавших короля. Подобные настроения авторов послужили причиной отрицательной оценки, данной ими целому ряду высказываний и поступков отца Санчо Храброго – Альфонсо X. Особенно это касалось событий 1282–1284 гг., когда в Кастилии разгорелась война между королем и наследным инфантом, окончившаяся смертью Альфонсо Мудрого. Однако составители хроники, очевидно, не имели задачи очернить память отца своего монарха: крутой нрав Санчо IV был хорошо известен, и оказаться на плахе за оскорбление памяти предшественника короля им, разумеется, не хотелось. Кроме того, победив в войне, Санчо IV предпринял ряд действий, направленных на реабилитацию имени Альфонсо X, подчеркивая, что его политика была ошибочна только в одном – в поддержке инфантов де ла Серда против него, законного наследника трона.

Поэтому можно предположить с известной долей уверенности, что, негативно оценивая ряд действий Мудрого короля в его конфликте с сыном, в остальном авторы хроники пытались составить своеобразный коллективный портрет идеального короля. Симпатия, проявленная Альфонсо X по отношению к францисканцам, яркая приверженность их идеалам Санчо IV и, наконец, настоящая экспансия босоногих братьев в Кастилии, соединившись, породили, в частности, историю о том, как члены именно этого ордена спасли короля во время осады Ньеблы. Более понятным становится и последующее превращение францисканцев («босоногих братьев») в неких абстрактных монахов (просто «братьев») в «Хронике Альфонсо XI». С одной стороны, ее автор, Фернан Санчес де Товар, не знал ни Альфонсо X, ни Санчо IV. С другой же стороны, в середине 40-х гг. XIV в. францисканцы временно утратили лидирующие позиции при королевском дворе, уступив их доминиканцам. Появились другие герои, изменились статисты, а эпизод, изначально бывший устным анекдотом, превратился в некую притчу, кочующую по хроникам.

Однако если это предположение и объясняет, почему героями интересующей нас истории стали францисканцы, без ответа все же остается

еще один вопрос – зачем составителям «Истории в диалогах до 1288 года» в принципе понадобился данный эпизод.

3. Цель и смысл эпизода в хронике

Сама по себе постановка вопроса о цели появления в тексте «Истории в диалогах» рассказа об осаде Ньеблы и о ловле мух подразумевает наличие и другого, более масштабного вопроса о целях составления всей «Истории в диалогах». В начале статьи я кратко изложил основные существующие по этому поводу позиции, теперь же выскажу собственную точку зрения.

С одной стороны, я, безусловно, согласен с Леонардо Фунесом в том, что «История в диалогах» создавалась в среде знати, а не при королевском дворе. Это объясняется, на мой взгляд, двумя основными причинами. После смерти Альфонсо X работа его скриптория прекратилась в связи с остановкой финансирования и была возобновлена при активном участии королевы Марии де Молина лишь несколько лет спустя, около 1289–1290 гг.⁴³ Интеллектуальные проекты самого Санчо IV имели по большей части характер философский и наставительный, исторические труды его интересовали сравнительно мало⁴⁴. Единственным серьезным исключением представляется завершение по его приказу знаменитой «Истории Испании», начатой по инициативе его отца, Альфонсо X Мудрого. Отмечу, однако, что это сочинение оказалось доведено лишь до времени смерти Фернандо III, т.е. до 1252 г., и более поздние события не были в нем отражены. По какой причине так произошло, с уверенностью сказать сложно, однако одно предположение высказать я рискну, тем более, что оно имеет прямое отношение к моему второму аргументу.

Написание любой «Истории» само по себе требует большой ответственности от того, кто садится ее сочинять. Вдвойне тяжелой эта ответственность становится тогда, когда инициатором историографического проекта выступает король или иной сюзерен. Ведь в таком случае заказчику нужно не просто *рассказать* историю прошлого, но и *вписать* в нее себя – контекстуализировать, показать *свою* роль в жизни страны. Для того, чтобы сделать подобный шаг, нужна большая интеллектуальная смелость, но еще больше – осознание собственного места в истории, своей значимости, поскольку все будущие читатели неминуемо станут сравнивать предшественников королей с тем, кто это сочинение заказал или даже, возможно, разработал его общую концепцию.

Заказывая «Всеобщую историю» и координируя работу над ней, Альфонсо X, безусловно, понимал стоявшие перед ним трудности и замышлял оставить после себя труд, в котором оказались бы описаны события и деяния от сотворения мира до времени его правления⁴⁵. Однако к этому проекту Альфонсо приступил в начале 70-х гг. XIII в., когда у него за плечами было уже около двух десятилетий правления, наполненных в основном блестящими успехами: завершение «великой реконквисты», основание нескольких городов и монастырей, составление «Зерцала

законов», «Королевского фуэро» и практически полного текста «Семи Партид», наконец, – избрание его «королем римлян» и перспектива получения императорского трона. Конечно, впереди Альфонсо ожидало десятилетие разочарований и потерь, начавшееся со встречи с Григорием X в Бокере, продолжившееся смертью сына и наследника Фернандо де ла Серда и дальнейшей войной, а завершившееся отречением от власти и смертью в Севилье в 1284 г. Но, как было справедливо отмечено в прологе к «Всеобщей истории», «что же до времени, в котором люди живут, то мы считаем, что не знают они его полностью, потому что, хотя и знают они начало тех дел, что совершаются в нем, не могут они узнать их завершения»⁴⁶.

У Санчо IV к середине и даже к концу 80-х гг., т.е. периода, о котором идет речь, еще не имелось столь весомых заслуг, как у его отца. Не было еще столь ярких побед (прославившее его взятие Тарифы состоялось лишь в 1292 г.), не имелось масштабных политических и интеллектуальных проектов. Зато в совсем недавнем прошлом осталась война, а по сути дела бунт, который он поднял против Альфонсо. Описать все эти события подробно и в меру сил объективно у Санчо и его соратников не было никакой возможности: как неоднократно отмечалось в литературе, для такой работы не только еще не имелось источников (таких, например, как «Готская история» Родриго де Рада или «Всемирная хроника» Луки Туйского), но и оставалось в живых слишком много очевидцев⁴⁷. Таким образом, Санчо и его соратникам приходилось работать буквально с «подручным материалом». Замечу, что после того, как Фернан Санчес де Товар завершил свою «Хронику Альфонсо X», все рассказы о правлении этого короля в последующих сочинениях вплоть до XVIII в. по сути дела сводились к более или менее детальному пересказу этого произведения. Таким образом, отдав распоряжение завершить «Историю Испании» концом правления Фернандо III, Санчо, с одной стороны, выполнил замысел своего отца, с другой же – избежал участи стать объектом сравнения с последним.

Возвращаясь к причинам создания «Истории в диалогах», отмечу, что, принимая точку зрения Леонардо Фунеса о круге возможных авторов и составителей этого текста, я, тем не менее, поддерживаю Мануэля Ихано в вопросе о цели его создания. Иными словами, я полагаю, что основной задачей автора «Истории в диалогах» было легитимировать восшествие на престол Санчо IV и примирить его сторонников с теми, кто поддерживал его отца в годы междоусобной войны. Если посмотреть на текст «Истории» с этой точки зрения, то станет более понятна амбивалентность образов как Альфонсо X, так и его сына, представленных там. Ни один, ни другой не были похожи на «идеальных» правителей; более того, для составителей «Истории в диалогах» самого образа «идеального правителя», по всей видимости, еще не существовало, или, как минимум, его изображение не входило в их задачи. И все же отдельные черты каждого из описываемых ими королей понемногу складывались в некий собирательный образ пусть и не правителя, но, по крайней мере, «добротного сеньора».

Подобный взгляд на «Историю в диалогах до 1288 года» позволяет ответить и на вопрос о том, зачем эпизод с осадой Ньеблы и с советом, данным королем францисканскими монахами, был включен в текст памятника. Понятным становится и то, почему чудесное избавление от мух было истолковано составителями «Истории» в таком «нечудесном» ключе.

Отмечу прежде всего тот факт, что в отсутствие достаточно большого спектра достоверных источников о времени Альфонсо X авторы «Истории» активно пользовались устными сообщениями, анекдотами и легендами. Можно заметить, что там, где у представителей знати, занимавшихся составлением текста, были под рукой достоверные документы (например, когда они описывали восстание знати в Лерме), они пересказывали их близко к тексту. Там же, где подобных документов не имелось, приходилось пользоваться любым доступным материалом, в том числе и устными рассказами.

Кроме того, история об осаде Ньеблы могла показаться интересной составителям «Истории в диалогах» и еще по одной причине. В этом эпизоде король демонстрировал одно из основных положительных качеств «добротного сеньора», а именно склонность прислушиваться к советам (что, кстати, было бы непросто показать, если бы избавление от мух стало буквально чудом, т.е. проявлением только и исключительно Божьей воли). Если рассматривать данный сюжет в контексте других казусов, описанных в той же главе, то можно увидеть, что тема советов оказалась продолжена и далее. Так, в то время, когда король находился на встрече с папой римским в Бокере, магнаты, узнав о смерти в Кастилии Фернандо де ла Серда, дали королю совет отказаться от имперских притязаний и вернуться домой, и Альфонсо X прислушался к своим приближенным. Однако, в случае с осадой Ньеблы имелось одно важное отличие: здесь совет королю давали не светские сеньоры, но представители духовенства, и, следуя ему, Альфонсо демонстрировал свое внимание к Церкви и ее служителям.

Существует, впрочем, и еще одно обстоятельство, важное, как мне представляется, для корректной интерпретации данного казуса: Альфонсо помогали советом не епископы или аббаты, наконец, не монахи какого-либо богатого монастыря, расположенного неподалеку (как это было в случае с Фернандо I и осадой Коимбры), а францисканцы, «босоногие», т.е. нищенствующие братья. Иными словами, они, конечно, выступали как представители Церкви, но вместе с тем, очевидно, никоим образом не могли сравняться с королем ни в знатности, ни в могуществе. В этой ситуации они оказывались ниже короля, что, отмечу, вполне согласовывалось с идеологической линией, выстраивавшейся поначалу при дворе Альфонсо X, а затем унаследованной и развитой при его сыне. Церковь, согласно этой установке, должна была подчиняться правителю, по крайней мере, в пределах его королевства.

Таким образом, введя эпизод с мухами в текст «Истории», ее составители демонстрировали благосклонное внимание короля к даваемым ему советам (причем особо отмечалось, насколько важно, кто именно дает этот совет – богат или бедняк, магнат или нищий монах), но вместе с тем подчеркивали, что правитель в своем королевстве стоит выше служителей Церкви.

Характерно и то, что совет, данный монахами, был воспринят королем не как некое благодеяние с их стороны, а, скорее, как должное – ведь никакой награды за оказанную столь оригинальным способом помощь братя не получили.

4. Подводя итоги

Рассказ об осаде и взятии Ньеблы королем Альфонсо Мудрым, включенный в состав «Истории в диалогах до 1288 года», позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего, представляется возможным несколько уточнить датировку письменной фиксации этого эпизода. Возможно, в устной форме он появился еще при жизни Альфонсо Мудрого, но записан оказался значительно позднее, в последние годы правления Санчо IV или в период малолетства Фернандо IV. На это указывает, во-первых, упоминание турецких ливров как средства оплаты, а, во-вторых, их количество. Как в годы правления как самого Альфонсо X, так и в первые годы Санчо IV эти денежные средства не имели хождения в Кастилии, в правление же Альфонсо XI инфляция и уменьшение количества «живого» серебра в стране сделали оплату в 3 турецких ливра несоизмеримо большой.

Кроме того, появление в «Истории» именно францисканских монахов было совершенно не случайным. Оно оказалось обусловлено, с одной стороны, усилением позиций Ордена меньших братьев в Кастилии в последней трети XIII в. и, с другой – особым благоволением к ним Альфонсо X и его сына, о чем было прекрасно известно составителям «Истории». Превращение францисканцев в обычных монахов в последующих исторических сочинениях (прежде всего, в «Хронике Альфонсо X»), по всей видимости, объясняется некоторым ослаблением позиций францисканского ордена в Кастилии в правление Альфонсо XI, а также литературной «канонизацией» эпизода, очищением его от ненужных, сиюминутных деталей, уже ничего не говоривших читателям середины XIV в.

Наконец, основной целью введения эпизода с осадой Ньеблы в текст «Истории в диалогах до 1288 года» была, на мой взгляд, демонстрация положительных качеств Альфонсо Мудрого как доброго сеньора. Он представлялся здесь как готовый слушать советы, даваемые его подданными, в том числе самыми ничтожными из них. Он оказывался человеком щедрым, временами доходившим до расточительности: королю Ньеблы он отдавал королевский сад в Севилье, императрице, обратившейся к нему за помощью, ссужал огромную сумму серебром. Он также был умным и храбрым правителем. Действия короля, которые могли бы показать его с другой стороны – ссора с инфантом Фелипе, ответ короля магнатам по поводу ситуации с Хересом-де-ла-Фронтера и т.д., – на этом фоне меркли и не выглядели уже столь значительными. Альфонсо оказывался представлен – и это было принципиально важно для его сына – не мудрым «государственным мужем», но именно добрым сеньором, феодальным властителем, которому можно и следует подражать.

История в диалогах до 1288 года

Capitulo CCXL. Como rreino su fijo el rrey don Alonso que fue emperador e como caso (*Biblioteca Provincial de la Universidad de Sevilla. Ms. A 331/143. Fol. 175v – 177v*)

Este rrey don Alonso caso con doña Violante fija que fue del rrey de Aragon e estudo vn tiempo que se no pudo enpreñar, e el rrey con miedo que fincaria el rreino sin heredero, enbio a pedir la fija del rrey de Noruega e troxerongela e avia nonbre doña Xristiana, e era muy fermosa amaravilla, e quando llego a Castilla fallo ala rreina preñada e ovo el rrey muy gran verguenza dela enbiar a su padre e a su rreino, e rrogo asu hermano el infante don Felipe que dexase la clerezia que era electo de la yglesia de Sevilla e que casase conella, e que le daria una parte del rreino en que visquiese. E el infante don Felipe por amor dela infanta que era muy fermosa e por lo que el rrey le prometia dexo la clerezia e caso con la infanta doña Xristiana. E despues que caso con ella no le dio el rrey nada de quanto le prometiera salvo lo que mandava dar ala infanta doña Xristiana en los admoxarifalcos (sic!), e a poco tiempo murio esta doña Xristiana con pesar, e el infante // [176r] don Felipe demandava al rrey todo lo que le avia mandado, e afincavalo ante los rricos omes diziendo que le avia fecho dexar la yglesia e la onrra e que no le dava ninguna cosa delo que le prometiera. E los rricos omes dezian al rrey que faria bien de dar al infante lo que le prometiera pues lo sacara dela yglesia. E el rrey don Alonso dezia a los rricos omes quel se avernia con el, e asi finco este fecho entre el rrey don Alonso e el infante don Felipe su hermano. Este rrey don Alonso ovo fijos en la rreina doña Violante su muger fija del rrey de Aragon, a don Fernando que dixeron de la Çerda que fue el mayor heredero, e a don Pedro, e a don Sancho, e a don Juan, e a don Jaymes. E ovo dos fijas a doña Berenguela e a doña Violante, esta doña Berenguela enbio a pedir el gran can, e el rrey queria gela dar, mas ella dixo a el rrey su padre que al gran can que le diesen gran cadena e no quiso casar con el. Este rrey don Alonso ovo otros fijos que no fueron de la rreina, al uno dixeron don Alonso el Niño, e al otro dixeron Ercoles, e ovo tres fijas que no fueron eso mismo dela rreina, e la una dellas fue casada con el rrey don Alonso de Portugal. E este rrey don Alonso de Castilla despues que fue rrey gano mucha tierra de moros, e eso mesmo quando era infante, e luego que rreino tomo a Alcaraz, e a Xorquera e a las Cuevas. E despues desto fue sobre Xerez e tomo la, e no tenia gentes para la poblar, e dexo los moros en la villa, e dio el alcaçar a don Nuño, e don Nuño diola a un cavallero que dezian Gomez Carrillo, e a poco tiempo que el rrey fue en Sevilla, alçaronse los moros con la villa de Xerez, e entraronle el alcaçar, e afincaron mucho. E este cavallero Go // mez Carrillo con los de dentro que tenia amparauase muy bien fasta que le fizieron cava de dentro dela villa e asy entraron dentro con ellos en el alcaçar, e tomaron el alcaçar, e mataron los xristianos saluo a Gomez Carrillo que se acogio a un cavallo con otros seis e se fue a los moros mataron todos los otros. E vinieron estas nuevas al rrey don Alonso e dixeronle rricos omes que tornase a Xerez e

dixoles el rrey: “dexad los agora que aquello todo es nuestro” e luego fue el rrey sobre Tejada e tomola, e estava dentro vn moro que se llamava rrey e enbiolo el rrey don Alonso allen la mar, e el rrey don Alonso tornose para Sevilla, e luego apoco fue el rrey sobre Niebla e estudo sobre ella nueve meses. E acabo delos nueve meses quisose el rrei levantar de sobrella porque se le moria alli mucha gente que avia alli tantas de moscas que no comia ome la vianda que luego camiava, e no tenia la vianda en los estomagos e caya en ellos maleza, e morian todos. E por esta rrazon quisiera el rrey levantarse e yrse. E acaçio que avia alli dos frayles descalços, al vno dezian fray Andres e al otro dezian fray Pedro, e estos vinieron al rrey e dixerone: “commo señor agora que tenedes la villa çerca de ganada vos queredes ir della, e basteçerla an los moros en tal manera que quando la quisieredes tornar aeste estado no podredes”. E dixo el rrey: “que fare que se me muere la gente con esta tormenta destas moscas?”, e dixeron los frayles: “señor nos vos daremos a esto consejo”. E estonçe mandaron pregonar que todo ome que truxese un // [176v] almud de moscas ala tienda del rrey que le daria el rrey por cada almud tres torneses de plata, e las gentes menudas començaron a tomar omezillo con las moscas a tanto que tuxeron alla do estavan los frayles atantas de moscas que fincheron dos silos que eran y e ceso la mortandat. E el rrey moro de Niebla quando vio que el rrey don Alonso estaua quedo, fizo pleytesia con el e fue esta que le diesen en Sevilla en que visquiese e que tomase a Niebla, e diole el rrey don Alonso al rrey moro de Niebla que avia nombre Aben Mafon la su huerta de Sevilla con otras cosas muchas de que se tovo el moro por contento, e gano el rrey don Alonso a la Niebla en la era de mill e trezientos años, e dela encarnaçion de Ihesu Xristo de mill e dozientos e sesenta e dos años, e tomo con Niebla todo el Algarue con mucha buena tierra, e luego a poco tiempo tomo el rrey don Alonso a Cote e a Moron e otros muchos castillos. E despues fue el rrey don Alonso a Xerez e tomola en la era de mill e trezientos e quatro años, e dela encarnaçion en mill e dozientos e sesenta e seis años enel dia de sant Dionis, a nueve dias de otubre e a catorze años de su rreinado. E poblola luego de xristianos, e despoblola delos moros que nunca mas enella entraron ni moraron, e tomo luego a Bejer e a Medina e a Rrota e a Sanlucar e poblolos e al Puerto e vinose para Sevilla e estuvo en Sevilla poco tienpo e venose para Castilla e aseosego la tierra e fizo cortes en Toledo. E a estas cortes avia de venir el rrey de Portugal e enbirole dezir que pues lo avia casado con fija de Pero Guzman que lo dexase // estar, e por esto no veno a lasas (sic!) cortes. E las cortes fechas venose a Sevilla e estado alli tres años, e veno Aben Yuçaf de allenlamar, e corrio toda la tierra fasta Sevilla, e el rrey estava en Sevilla, a dos dias salio tras el, e el era ya en Algezira. E fue luego el rrey don Alonso sobre Carmona, e tomola, e tomo a Eçija, e Aguilar, e a Santaella, e a otros muchos castillos, e fizieron en esto servicio a Dios. E venole a coraçon de ir a Castilla, e fue alla, e andudo por Castilla sosegando su tierra, allego a Burgos. E estando en Burgos allegaron le nuevas de vna enperatriz que venia a el, e era su marido captiuo en tierra del soldan, e venian con ella treinta dueñas todas vestidas de negro. E el rrey salio la a rrecibir con gran gente, e fizole mucha onrra, e metiola enel alcaçar de Burgos con la rreina doña Violante su muger; e la rreina fizole mucha onrra, e plogole mucho con ella. E mando poner la mesa para pensar de la enperatriz, e dixole

la rreina que se asentase a comer, e dixo la enperatriz: “nunca lo Dios quisiera que yo ala mesa me pose que no so digna para ello”, e la rreina maravillose de lo que dezia, e preguntole que porque dezia aquello, e dixo la enperatriz: “rreina tu eres en tu onrra, e Dios tela mantenga, que estas en tu onrra, con tu señor sano e guarido, e Dios telo guarde de mal, e yo esto fuera de la mia, ca el mi señor no es en su poder, antes en captivo en tierra del soldan. E yo fue a casa del apostolico de Roma por ver fallaria en el ayuda e dio el terçio del aver. E fue a casa del rrey de Françia, e diome el otro terçio, e alli oy dezir de la noble // [177r] za e dela franqueza del noble rrey don Alonso de Castilla, e so aqui venida a le pedir ayuda para sacar al enperador mi marido de captiuo”. E la rreina enbio por ele rrey, e contole todo lo que le dixera la enperatriz, e el rrey rrogole mucho que se asentase a comer, e ella dixo que nunca comiera en manteles fasta que toviese para quitar a su marido el enperador de captivo. E el rrey le pregunto que los de su tierra por que no lo quitavan. E ella dixo que no era vso que diesen por el nada. Mas antes dezian ellos que le fazian mucho quando no fazian otro enperador, e el rrey tomola por la mano e pusola ala mesa, e dixole: “enperatriz yo vos prometo que de oy en veinte dias yo vos dare con que quitedes al enperador vuestro marido”, e dixo ella: “cata rey que dezis, que no sabes quanto yaze”. E el rrey pregunto por quanto yaze, e ella le dixo, por quarenta quintales de plata, mas que el papa le diera el vn terçio, e el rrey de Françia el otro terçio. E el rrey tomola por la mano e fuela asentar ala mesa, e dio le la mano que a veinte dias le daria el quarenta quintales de plata. E dixo la enperatriz: “agora comere a manteles pues que es quito el mi señor”, e asi comio e folgo la enperatriz con la rreyna. E a los veinte dias diole el rrey don Alonso los quarenta quintales de plata, e mando que tornase la que avia tomado al papa e al rrey de Françia. E que tan largo fue el rrey don Alonso que avn oy dia faze mengua este comer en Castilla; e fuese la enperatriz e torno al rrey de Françia e al papa lo que le // avian dado, e contoles todo lo que le aconteçiera con el rrey don Alonso de Castilla, e todos quantos lo oyan loavan e preçiauau mucho al rrey de Castilla. E salio luego este enperador de captiuo e predicaua la bondad del rrey don Alonso de Castilla, e sonando esta boz por todas las tierras acaçio que murio el enperador de Alemaña e finco el inperio sin heredero, e ayuntaronse todos los condes e los rricos omes para acordar quien farian enperador, e esleyeron por enperador a el rrey don Alonso, e enbiaron por el que fuese a rreçibir el inperio. E estando en Burgos vinieron a el quatro cavalleros con cartas delos mas onrrados condes del inperio que en todas las guisas del mundo fuese a rreçibir el inperio e rrequerirlo, e que no fiziese ende al por ninguna manera. E el rrey don Alonso guiose para ir a el inperio e tomo muy grandes gentes e averes, e fuese para su inperio, e desta vez finco Castilla pobre delos averes fasta oy dia, e lleo el rrey don Alonso fasta Leon del Rruedano e dexo en Castilla por rrey a don Fernando de la Çerda su fijo que era mayor heredero en el rreyno e este infante seyendo infante caso con la fija del rrey de Francia que dezian doña Blanca, e caso con esta postura que si oviese enella fijos que rreinasen en Castilla los fijos despues del. E desto fizieron omenaje los rricos omes en Castilla e cartas selladas con sus sellos al rrey de Françia, e asi envio el rrei de Françia a su fija por muger al infante don Fernando de la Çerda que avia de rreynar en Castilla. E ovo este rrey don Fernando en la fija

del rrey de Françia hijos a // [177v] don Alonso e a don Fernando, e estos demandaron el rreino despues gran tienpo e tanto que el rrey don Alonso yva al inperio, este don Fernando fincava por rrey en Castilla, e yendose para el Andalozia (sic!) murio en Villa Rreal e finco don Alonso su fijo muy pequeño. E el rrey don Alonso que era en Leon de el Rruedano llegaronle las nuevas de su fijo don Fernando de la Çerda en como era muerto, e avn con todo eso no le osaua dezir ninguno que se tornase. E sus rricos omes mostraronle vna maestria en que le fizieron entender que era mejor tornarse que no yr. E esto fue que le fizieron vn juego de axedrez, e fizieronlo en tal manera que no avia el rrey mas de dos casas, e los juegos tomavanle la vna, e otro juego davale mate. E dixeron al rrey: “señor andad e veredes que juego departido an hechos aquellos rricos omes en el axedrez”, e fueo a ver el rrey, e fizieronlo ante el, e dixeronle: “señor vedes que juego”, e dixo el: “si veo e bien. E mandovos que vos guisedes e que nos tornemos para Castilla, e sabed que todas las gentes ovieron gran plazer”. E tornose el rrey para Castilla don Alonso. E quando allego a Castilla fallo toda la tierra sosegada e sin bolliçio salvo que don Alonso fijo del infante don Fernando de la Çerda el que despues dela muerte del rrey don Alonso avia de ser rrey, como que era que el fuese moço no dexava de demandar su derecho e demandavanlo otros muchos por el e desto pesava mucho al infante don Sancho e a otros muchos dela tierra que tenian con el infante don Sancho que dezian que mas guisado era que tomase el el rreino que no que entrasen // en la tierra los françeses, e lo vno porque le meteran en coraçon que tomase el rreyno e lo al porque lo avia atalante tomo este fecho a coraçon e a voluntad a tanto fasta que lo demandava por derecho e por ante juezes a vista de Castilla e de Leon. E fizieron alcaldes que judgasen este pleyto e pusieron abogados que lo razonasen e toviesen la boz delas partes. E fueron los alcaldes el infante don Manuel e Diego Lopez de Salzedo, e fueron los abogados Juan Gato de Çamora e Agostin Perez. E dezia el infante don Sancho que pues don Fernando no rreinara que no seria su fijo rrey e pues que el rrey don Alonso era bivo, e el era el mayor fijo que el devia heredar de derecho e ser rrey.

Глава ССХL. О том, как правил король дон Альфонсо, который был императором, и о том, как он женился

1. Этот король дон Альфонсо женился на донье Виоланте, которая была дочерью короля Арагона, и, по прошествии времени, когда та не смогла забеременеть, король из страха, что королевство останется без наследника, послал к королю Норвегии просить его дочь, которую звали донья Христиана. И привезли ее, и была она чудесно красивой, но когда король вернулся в Кастилию, увидел он, что королева беременна. Королю было очень стыдно отсылать донью Христиану к отцу в ее королевство, и он попросил своего брата, инфанта дон Фелипе, чтобы оставил тот духовное звание (а был он избранным епископом Севильи) и женился бы на ней, а он даст ему за это часть королевства, в которой они бы жили. И инфант дон Фелипе оставил духовное звание из любви к прекрасной инфанте и из-за того, что пообещал ему король, и женился на инфанте донье Христиане. А после того, как

он женился на ней, не дал ему король ничего из того, что обещал, кроме той доли, что он повелел дать инфанте донье Христиане в альмохарифазго. Через краткое время умерла эта донья Христиана в печали, а инфант дон Фелипе потребовал от короля всего того, о чем он говорил, и пожаловался магнатам, сказав им, что король заставил его оставить церковь и сан и что не дал ему ничего из того, что обещал дать. Магнаты же сказали королю, что он поступил бы правильно, если бы дал инфанту то, что пообещал ему, раз увел он его из церкви. А король дон Альфонсо сказал магнатам, что он все уладит с ним, и так осталось это дело между королем доном Альфонсо и инфантом доном Фелипе, его братом.

2. У этого короля дон Альфонсо были от королевы доньи Виоланты, его жены и дочери короля Арагона, сыновья: дон Фернандо, которого называли де ла Серда и который был старшим наследником, дон Педро, дон Санчо, дон Хуан и дон Хайме. Было у него еще две дочери – донья Беренгела и донья Виоланта; и руки доньи Беренгелы послал просить великий хан, и король хотел отдать ее ему, но она сказала королю и своему отцу, чтобы великому хану дали бы большую цепь⁴⁹, и не пожелаала выйти за него замуж. Были у короля дон Альфонсо и другие сыновья, не от королевы, одного из которых звали дон Альфонсо Младший, а второго – Геркулес, и было еще три дочери, которые также не были от королевы, и одну из которых выдали замуж за короля Португалии дон Альфонсо.

3. И этот король Кастилии дон Альфонсо захватил многие земли мавров и пока был инфантом, и уже потом, когда стал королем. И когда он взошел на трон, взял он Алькарас, и Хоркеру, и Лас Куэвас. После этого пошел он на Херес и взял его, но не было у него людей заселить город, и он оставил в городе мавров, а алькасар отдал дону Нуньо⁵⁰, а тот отдал его одному рыцарю, которого звали Гомес Каррильо. А как только король ушел в Севилью, восстали мавры города Херес и подошли к алькасару, и плотно окружили его. Этот рыцарь Гомес Каррильо с теми, кто был внутри, защищался прекрасно, пока мавры не сделали подкоп из города и через него не вошли в алькасар. Затем взяли они алькасар и убили христиан кроме Гомеса Каррильо, который вместе еще с шестью людьми, вскочил на коня и сбежал от мавров, а они убили всех остальных. Дошли эти вести до короля дон Альфонсо, и сказали ему магнаты, чтобы вернулся он под Херес, и ответил им король: «Оставьте теперь, это все наше дело». Затем пошел король на Техаду и взял ее; в ней был один мавр, называвший себя королем, и король дон Альфонсо отослал его за море.

4. Вернулся король дон Альфонсо в Севилью, а вскоре после этого пошел на Ньеблу и простоял под ней девять месяцев. По прошествии этих девяти месяцев захотел король снять осаду, т.к. многие из его войска умирали из-за того, что было там столько мух, что не было еды, которую не облепляли бы мухи, и не было еды в животах людей, и пал на войско мор, и умирали все. По этой причине захотел король снять осаду и уйти. И случилось так, что были там два босоногих брата, одного из которых звали брат Андрес, второго – брат Педро, и они пришли к королю и сказали ему: «Как, сеньор, сейчас, когда вы держите город в осаде и почти взяли его, вы хотите уйти отсюда? Мавры укрепят его так, что когда вы захотите вернуть его в это

состояние, уже не сможете этого сделать». И сказал король: «Что же я сделаю, когда у меня умирают люди от этих полчищ мух?». Братья же ответили: «Сеньор, мы дадим вам в этом совет». И затем послали сообщить всем, что тому, кто принесет один *альмуд* мух в королевский шатер, король даст за каждый альмуд три *турских ливра серебром*. И простой люд из войска доходил из-за мух до человекоубийства, и столько их принесли туда, где были монахи, что набили ими два амбара, стоявших там, и прекратился мор. И когда король Ньеблы увидел, что король дон Альфонсо остался на месте, заключил с ним соглашение о том, что ему дадут место для жизни в Севилье, а он сдаст Ньеблу. И дал король дон Альфонсо мавру-королю Ньеблы, которого звали Абен Мафон, свой сад в Севилье и много иных вещей, чем и удовольствовался мавр. И взял король дон Альфонсо Ньеблу в год эры 1300-й, а от воплощения Иисуса Христа – 1262-й. А вместе с Ньеблой взял он весь край Альгарве, где много доброй земли, а затем вскоре взял король дон Альфонсо Коте, и Морон, и многие другие замки.

5. А после этого пошел король дон Альфонсо на Херес и взял его в год эры 1304-й, а от Воплощения – в 1266-й, в день святого Дионисия, 9 октября, на 14-й год своего правления. И заселил он его затем христианами и выселил оттуда мавров, чтобы никогда больше не входили бы они туда и не оставались бы там. Затем взял он Бехер, и Медину, и Роту, и Санлукар, и заселил их и Пуэрто⁵¹ и вернулся в Севилью. Там он пробыл недолго и пошел в Кастилию, замирил королевство и созвал кортесы в Толедо. На эти кортесы должен был прибыть король Португалии, и он послал сказать ему, что раз он женил его на дочери Педро Гусмана, то позволяет ему остаться, и потому тот не приехал на кортесы⁵². После же того, как кортесы завершились, король дон Альфонсо вернулся в Севилью и пробыл там три года.

6. После этого пришел Ибн-Юсуф из-за моря и разграбил весь край вплоть до Севильи. Король же был в Севилье и через два дня пошел за ним, а тот был уже в Альхесирасе. Пошел затем король дон Альфонсо на Кармону и взял ее и взял Эсиху, и Агилар, и Санта-Элью, и много иных замков и послужил тем Богу.

7. И пришло ему на ум отправиться в Кастилию, и уехал он туда и прошел по Кастилии, усмиряя свое королевство, и прибыл в Бургос. Когда он был в Бургосе, пришли к нему вести об императрице⁵³, которая прибыла к нему, а муж ее был пленником в землях султана, и прибыли с ней тридцать дам, все одетые в черное. Король вышел принять ее с большой свитой, и оказал ей большие почести, и разместил ее в алькасар Бургоса, вместе с доньей Виолантой, своей женой. Королева оказала императрице большие почести и была с ней очень любезна. И приказала королева, заботясь об императрице, накрыть стол и сказала ей, чтобы та садилась есть, и ответила императрица: «Никогда не пожелает Бог, чтобы я присела к столу, т.к. я недостойна этого». Королева подивилась этим словам и спросила ее, почему она говорит так, и сказала императрица: «Королева, ты живешь в твоей чести, и Бог поддерживает тебя в ней, с твоим сеньором, здоровым и сильным, и Бог хранит тебе его от бед. Я же потеряла свою честь, т.к. мой сеньор не самовластен более, но пленник он в землях султана. И я была в доме у Папы Римского, чтобы посмотреть, не найду ли я у него помощи, и

дал он мне третью часть выкупа. Я отправилась к королю Франции, и дал он мне вторую треть. И там услышала я о благородстве и щедрости знатного короля дон Альфонсо Кастильского и прибыла сюда, чтобы просить его о помощи, дабы извлечь из плена императора – моего мужа». Королева послала тогда за королем и рассказала ему все, что сказала ей императрица, и король сердечно просил ее, чтобы та села к столу, а она ответила, что никогда не будет есть со скатерти, пока не добьется освобождения из плена своего мужа-императора. Король спросил ее, почему не освободили его собственные подданные, а она сказала, что не было обычая, чтобы они что-либо платили за него, но что сказали они, что много делают уже тем, что не ставят иного императора. Король взял ее за руку и подвел к столу, и сказал: «Императрица, обещаю я вам, что через двадцать дней от сегодняшнего я дам вам то, чем выкупите вы своего мужа-императора». Она же сказала: «Король, думай, о чем говоришь, ты ведь не знаешь, сколько нужно». И король спросил, за сколько его выпустят, и она сказала, что за сорок кинталей⁵⁴ серебра, но что Папа дал ей одну треть, а король Франции – вторую. Король взял ее за руку и усадил за стол, и дал ей руку⁵⁵ в том, что через двадцать дней даст он ей сорок кинталей серебра. И сказала императрица: «Теперь я буду есть со скатерти, т.к. свободен мой сеньор», и поела, и отдохнула она вместе с королевой. По прошествии двадцати дней дал ей король дон Альфонсо сорок кинталей серебра, и велел, чтобы вернула она то, что взяла у Папы и у короля Франции. И столь щедр был король дон Альфонсо, что еще и по сей день не хватает еды в Кастилии. А императрица отправилась и вернула королю Франции и Папе то, что дали они ей, и рассказала все, что случилось с ней у короля дон Альфонсо Кастильского, и все, кто это слышал, восхваляли и возвеличивали короля Кастилии. И этот император вышел из плена и начал рассказывать везде о доброте и щедрости короля дон Альфонсо Кастильского, и разошелся этот слух по всем землям.

8. И случилось так, что умер император Германии, и империя осталась без наследника. Собрались тогда все графы и магнаты, чтобы решить, кого сделать императором, и избрали короля дон Альфонсо, и послали за ним, чтобы приехал он принять власть. И, когда он был в Бургосе, приехали к нему четыре рыцаря с письмами от наиболее чтимых графов империи о том, чтобы он, несмотря ни на что, приехал бы принять власть и потребовать имперский трон, и чтобы он ни в коем случае не поступал бы иначе. И король дон Альфонсо собрался ехать за империей, и взял с собой огромную свиту и множество имущества, и отправился за своей империей, и с тех пор и до сего дня осталась Кастилия обедневшей⁵⁶. И добрался король дон Альфонсо до Леона на Роне и оставил в Кастилии вместо короля дон Фернандо де ла Серда, своего сына, бывшего его старшим наследником в королевстве. А этот инфант, в бытность свою инфантом, женился на дочери короля Франции, которую звали донья Бланка, и женился на ней на том условии, что если будут у него от нее сыновья, то будут они править в Кастилии после него. И в этом магнаты Кастилии принесли оммаж и дали свои грамоты, скрепленные их печатями, королю Франции, и тогда послал король Франции свою дочь в жены инфанту дону Фернандо де ла Серда, который должен был править Кастилией.

И были у этого короля дона Фернандо от дочери короля Франции сыновья – дон Альфонсо и дон Фернандо, и они, по прошествии большого времени, требовали королевство на том основании, что когда король дон Альфонсо уехал в Империю, этот дон Фернандо оставался в Кастилии за короля, и умер в Вилья-Реаль, по дороге в Андалусию, оставив своего сына дона Альфонсо совсем маленьким.

9. Пока король дон Альфонсо был в Леоне на Роне, дошли до него известия о том, что умер его сын дон Фернандо де ла Серда, но, все же, никто не осмеливался сказать ему, чтобы он возвращался. И его магнаты замыслили одну хитрость, которой дали ему понять, что лучше ему вернуться, чем нет. И для этого затеяли они игру в шахматы, и сделали так, что было у короля лишь две клетки, и первым ходом забрали одну из них, а вторым поставили ему мат. И сказали королю: «Сеньор, пойдите посмотрите, какую интересную партию сыграли эти магнаты в шахматы», и король пошел посмотреть на это, и они провели ее перед ним, и сказали ему: «Сеньор, видите, какая игра», а он ответил: «Да, вижу, и вижу хорошо. И приказываю вам, чтобы собирались вы, так как мы возвращаемся в Кастилию». И знайте, что все люди очень этому обрадовались. И вернулся в Кастилию король дон Альфонсо.

10. А когда прибыл он в Кастилию, увидел, что все королевство спокойно и нет нигде возмущений. Лишь дон Альфонсо, сын инфанта дона Фернандо де ла Серда, того, который должен был стать королем после смерти короля дона Альфонсо, хотя и был ребенком, не переставал требовать своего права, и многие другие требовали его за него. Это весьма печалило инфанта дона Санчо и многих других, кто держался его и говорил, что более справедливо было бы, чтобы он получил королевство и чтобы не входили бы в него французы. И с одной стороны, так как заронили ему в сердце мысль о том, чтобы он взял королевство, а с другой стороны, потому, что он сам этого хотел, принял он это близко к сердцу настолько, что стал требовать этого по праву перед судьями из Кастилии и Леона. И назначили алькальдов, чтобы судили они эту тяжбу и установили адвокатов, чтобы выдвигали доводы и говорили бы от имени сторон. И были алькальдами инфант дон Мануэль и Диего Лопес де Сальседо, а адвокатами были Хуан Гато де Самора и Агостин Перес. И сказал инфант дон Санчо, что поскольку дон Фернандо не правил, то и его сыну не быть королем, а так как король дон Альфонсо жив, а он остается старшим сыном, то ему и должно по праву наследовать и быть королем.

¹ Исследование проведено при поддержке РФНФ, проект №16-03-00727 «Представления о королевской власти в королевстве Кастилии и Леона XIII – первой половине XIV в.» и при поддержке гранта НИУ ВШЭ №16-01-0059 «“Зерцала правителей” в политико-правовой культуре королевства Кастилии XIII – первой половины XIV в.».

² Время можно установить достаточно точно благодаря тому, что в архиве Альфонсо X сохранился документ, датированный 12 февраля 1262 г. и подписанный в осажденном лагере около

Ньеблы: *Diplomatario andaluz de Alfonso X* / Ed. por M.J. González Jiménez. Sevilla, 1991 (далее – DAAX). Doc. 253. Следующая грамота (от 2 марта того же года) была подписана королем уже в Севилье: DAAX. Doc. 254.

³ См.: DAAX. Doc. 262.

⁴ Об этом споре см. следующие работы: *González Jimenez M.* Alfonso X y Portugal // *Alcanate. Revista de Estudios Alfonsies*. 2005. T. IV. P. 19–34; *Mattoso J.* As relações de Portugal como Castela no reinado de Afonso X, o Sabio // *Estudos Medievais*. 1986. T. 7. P. 69–94.

⁵ Арабские хроники упоминают взятие Ньеблы Альфонсо X, но без подробностей. Отсутствует в них и эпизод с францисканскими монахами. Обзор арабской историографии по этому вопросу см. в: *García Sanjuán A.* La conquista de Niebla por Alfonso X // *Historia. Instituciones. Documentos*. 2000. T. 27. P. 89–112.

⁶ *Catalán D.* El Toledano romanizado y las Estorias del fecho de los godos del siglo XV // *Estudios dedicados a James Homer Herriott. Madison*, 1966. P. 9–102.

⁷ *Ibid.* P. 65.

⁸ *Funes L.* Las variaciones del relato histórico en la Castilla del siglo XIV. El periodo post-alfonsí // *Las variaciones del relato histórico en la Castilla del siglo XIV. El periodo post-alfonsí*. Buenos Aires, 2001. P. 111–134; *Idem.* Una versión nobiliaria de la historia reciente en la Castilla post-alfonsí: la *Historia hasta 1288 dialogada* // *Revista de Literatura Medieval*. 2003. T. 15(2). P. 71–83.

⁹ *Hijano Villegas M.* Continuaciones del Toledano: el caso de la *Historia hasta 1288 dialogada* // *El relato historiográfico: textos y tradiciones en la España medieval* / Ed. F. Bautista. L., 2006. P. 123–148.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ Мера объема, равная в эпоху Альфонсо X примерно 2,5 л.

¹² “E estonçe mandaron pregonar que todo ome que truxese un // [176v] almud de moscas ala tienda del rrey que le daría el rrey por cada almud tres torneses de plata, e las gentes menudas començaron a tomar omezillo con las moscas a tanto que tuxeron alla do estavan los frayles atantas de moscas que fincheron dos silos que eran y e ceso la mortandat” (**Historia dialogada hasta el 1288* // *Biblioteca Provincial de la Universidad de Sevilla*. Ms. A 331/143 (далее – Hist. Dial). CCXL).

¹³ Людовик IX был сыном Людовика VIII и дочери короля Альфонсо VIII Бланки Кастильской, приходившейся в свою очередь сестрой Беренгеле – матери Фернандо III и, соответственно, бабки Альфонсо Мудрого. Дочь Людовика IX Бланка стала женой старшего сына и наследника Альфонсо X – инфанта Фернандо де ла Серда. Безвременная смерть Фернандо, успешного, тем не менее, стать отцом двух детей, стала причиной длительной династической розни и так называемой войны инфантов де ла Серда.

¹⁴ *Nieves Sanchez M.* Diccionario español de documentos alfonsies. Madrid, 2000. P. 426.

¹⁵ См. об этом: *Francisco Olmos J. M. de.* La Moneda De La Castilla Bajo Medieval. Medio De Propaganda E Instrumento Economico. II *Jornadas Científicas sobre Documentación de la Corona de Castilla (siglos XIII–XV)*. Madrid, 2003. P. 289, infra 13; *Ladero Quesada M. A.* Fiscalidad y poder real en Castilla (1252–1369). Madrid, 2011. P. 103–107.

¹⁶ “Mando por sentencia que vos Gonzalo Perez, maestre sobredicho, y el convento y los comendadores y freyres de vuestra Orden, por nombre de vos e de vuestra Orden, dedes y paguedes al sobredicho don Alfonso, obispo de Coria, o a su mandado, ciento y treinta mill maravedis de la moneda que el rey don Fernando, mio fijo, mando labrar, que fazen diez dineros el maravedi, y estos maravedis sobredichos que gelos paguedes en doblas o en *torneses gruesos* y en dineros novenos y sesenos de la moneda del rey don Sancho, que Dios perdone, e si alguna cosa fincare de mengua que non podades aver en estas monedas sobredichas para cumplimiento del pago que havedes de faser que gelo cumplades de esta moneda del rey don Fernando, mio fijo...” (Colección diplomática de la Orden de Alcántara. Doc. 410, цит. по: *Francisco Olmos J. M. de.* Op. cit. P. 297, infra 44).

¹⁷ “Sepan quantos esta carta vieren como yo don Ferrando... otorgo e conozco que recibí de vos don Gonzalo Perez, maestre de la cavalleria de la Orden de Alcantara, cinquenta mill torneses, los quales torneses yo vos tome porque vos los emprestara Vasco Fernandez, maestre que fue de lo que habia la Orden del Templo en Portugal...” (Ibid. Doc. 464, цит. по: *Francisco Olmos J. M. de.* Op. cit. P. 298, infra 45).

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ “Et los frayres dixieron que ellos darían consejo a ello. Et mandaron luego apregonar por la hueste que qualquier que traxiese un almud de moscas a la tienda de aquellos freyres que le darían por cada almud dos torneses de plata. Et las gentes menudas tomauan omezillo con las moscas e por ganar aquellos dos torneses traxieron muchas dellas, de manera que finchieron dellas dos sylos uiejos que estauan y de otro tienpo” (Crónica de Alfonso X. Según el ms. II/2777 de la Biblioteca del Palacio Real / Ed. por M.J. González Jiménez. Murcia, 1998 (далее – CAX). VI).

²⁰ *Agrait N.* El asta de la lanza: los mecanismos de financiación de la guerra durante el reinado de Alfonso XI (1312–1350) // *Gladius*. 2012. T. 32. P. 103–120; *O’Callaghan J. F.* The Gibraltar Crusade: Castile and the Battle for the Strait. Philadelphia, 2011. P. 189–195.

²¹ “Et por estas cosas que el rey avia sabido, entendió que le cumplía apercebirse de tener algo con que podiese mantener aquella hueste, et las flotas que eran y con el, et mas galeas si podiese aver: et mando a los sus tesoreros que spiesen que aver tenia, et para quanto tiempo podia ser mantenida la hueste et las flotas de los que ellos tenían. Et dixieron gelo, et fallo que convenia catar aver para esto: et mando tomar plata que le tenia en su camara, et otrosi otra plata que le prestaron algunos de los que eran alli con el; et ayunto lo mas que pudo, et envío a Sevilla que le labrasen moneda de la

del su regno, salvo que la mando facer de otra señal, et de menor ley que era la otra moneda que este rey mando labrar otra vez” (Crónica del Rey D. Alfonso el Onceno // Biblioteca de los autores españoles. Vol. 66. Madrid, 1953. P. 171–392 (далее – CrAXI). CCLXXXII).

²² О нарушении баланса между золотом и серебром в экономике Кастилии XIV в. см.: *Ladero Quesada M. A.* Op. cit.

²³ “Apparesçiol alli el monge sant Pelayo uestido de pannos tan blancos como la nieue, et llamol por so nombre, et dixol: “¿Duermes, Fernand Gonçalez? Leuantate et uete pora tu companna, ca Dios te a otorgado quantol demandeste. Et sepas que uençras a Almançor et a todo su poder, pero perderas y mucha de tu companna. Et aun te dize mas nuestro Sennor: que porque tu eres su uassallo, que te enuiara all apostol sant Yague et a mi, et conusco muchos angeles en ayuda, et paresçemos todos en la batalla con armas blancas, et traera cada uno de nos cruz en su pendon; et quando moros nos uieren, uençerse an, et dexaran el campo a pesar de si. Et amigo, dicho te he lo que me mandaron que te dixiesse, et desoy mas quierome yr”. Et acabada esta uision, desperto el conde Fernand Gonçalez. etc.” (Primera Crónica General de España que mando componer el Rey D. Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. Madrid, 1955 (далее – PCG). Cap. 698).

²⁴ “Ueno el rey don Fernando sobre la çibdat de Coymbria, et cercola luego et pusol aderredor sus engennos muchos et sus castiellos de madera. Mas la villa era tan grand et tan fuerte que el non podie con ella nin se querie dar; et sobre esto touola çercada VII annos. <...> Et auie estonçes alli en tierra de los moros et en su poder dellos un monasterio de monges que dizen oy en dia Loruano; et aquellos monges uiuien alli de laour de sus manos, et tenien y condesado trigo et ordio et mijo et legumbres non lo sabiendo los moros. Et tanto se allongaua ya la prision de la çibdat que non tenien ya uianda los de la hueste del rey don Fernando, et querien desamparar la cerca et yrse; mas los monges quando esto oyeron, uinieron priuado al rey et dixieronle lo que tenien alçado et condesado de luengo tiempo pora su uianda, et que lo tomasse el et fiziesse ende como el quisiessse. El rey don Fernando gradesçiogelo estonçes mucho, et prometioles que si Dios le diesse uida que gelo el pecharie et gelo galardonar por muy bienñ et tomogelo, et mandolo partir por toda la hueste et con recabdo... etc.” (Ibid. Cap. 807).

²⁵ “Paresçiol en el suenno sant Yague con unas llaues en la mano, de muy alegre contenente, et dixol: “Estiano, tu tienes por escarnio porque los romeros me llaman cauallero, et dizes que lo non so; et por esso uin agora a ti mostrarteme por que nunca iamas dubdes que yo non so

cauallero de Cristo et ayudador de los cristianos contra los moros”. Et el diziendo esto fuel aducho un cauallo muy blanco, et ell apostol caualgo en el a guisa de cauallero muy bien guarnido de todas armas claras et fermosas, et dixol alli en aquel suenno como querie yr ayudar al rey don Fernando que yazie sobre Coymbria VII annos auie ya: “et por que seas mas çierto desto que te digo, con estas llaues que tengo en la mano abre yo cras a ora de tercia la çibdat de Coymbria, et darla e al rey don Fernando” (Ibid.).

²⁶ Назвать точную сумму суточного «заработка» кастильского рыцаря конца XIII в. сложно и вряд ли возможно. Для сравнения можно привести данные по оплате труда наваррских рыцарей, получавших во второй половине XIV в. приблизительно 15 арагонских флоринов в месяц (но никогда не меньше 10), тогда как оплата пеших воинов в этот период колебалась от 3 до 6 флоринов в месяц. Арагонский золотой флорин равнялся 12 солидам, а один турецкий ливр приравнивался в Наварре к 1 солиду (согласно документам 1355 г.). Таким образом, примерный подсчет дневной оплаты показывает, что наваррский рыцарь получал в день 0,3–0,5 флорина, т.е. 4–6 солидов (или 4–6 турецких ливров), возможный размер дневного заработка пешего воина составлял от 0,1 до 0,2 флорина, т.е. от 1,2 до 2,4 солида (турских ливра) в день. См.: *Fernández de Larrea J. A.* Guerra y Sociedad en Europa Occidental durante la Baja Edad Media (siglos XIII–XV) // La Guerra en la Historia. Décimas Jornadas de Estudios Históricos organizadas por el Departamento de Historia Medieval, Moderna y Contemporánea / Ed. A. Vaca Lorenzo. Salamanca, 1999. P. 45–94; *Rueda Sabater M.* El florín: un “dólar” bajomedieval // En la España Medieval. 1984. T. 5. P. 865–874.

²⁷ “E acaecio que avia alli dos frayles descalços, al vno dezian fray Andres e al otro dezian fray Pedro, e estos vinieron al rrey...” (Hist. Dial. CCXL).

²⁸ “Et en aquel tiempo auia en la hueste dos frayres, que dezian al uno fray Andres et a otro fray Pedro, que venieron al rey...” (CAH, VI); “Quando esto ouyurõ dous frades que andavõ na hoste, hũu que avya nome frey Andre e outro frey Pedro, veeron a el rey...” (Crónica de 1344 que ordenó el Conde de Barcelos don Pedro Alfonso / Prep. por D. Catalán. Madrid, 1970. T. 1 (далее – CG-1344). [Cap. 6]).

²⁹ Данные приводятся по статье Аделины Рюкуа, работа которой имеет основополагающее значение в этом вопросе: *Rucquoi A.* Los Franciscanos en el Reino de Castilla // VI Semana de Estudios Medievales : Najera, 31 de julio al 4 de agosto de 1995. Najera, 1996. P. 65–86, здесь P. 68. См. также приведенную в статье библиографию, из которой особого внимания заслуживает монография Х. Гарсии Оро: *García Oro J.* Francisco de Asís en la España medieval. Santiago de Compostela, 1988.

³⁰ Наиболее ярким примером такого училища может служить *studium*, открытый в Сантьяго-де-Компостела. См. подробнее: *García Ballester L.* Naturalaleza y ciencia en la Castilla del s.XIII. Los orígenes de una tradición: los Studia franciscano y dominico en Santiago de Compostela (1222–1230) // VI Semana de Estudios Medievales. P. 145–170; *Vázquez Janeiro I.* Los estudios franciscanos medievales en España // Ibid. P. 43–64.

³¹ Об одном таком конфликте, разгоревшемся в Куэльяре (Кастилия) между приходскими клириками и францисканцами, см. в: *Ауров О.В.* Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII – середине XIV века. М., 2012. С. 117. В этом случае приходские клирики дошли со своими жалобами до Святого Престола, что вызвало ответную реакцию в виде послания Иннокентия IV от 1243 г. Подробнее на данную тему см.: *García Oro J.* Op. cit. P. 322–327.

³² В качестве примера можно назвать францисканский конвент в городе Херес-де-ла-Фронтера, основанный Альфонсо X.

³³ Сводные данные по королевским исповедникам в Кастилии в 1230–1504 гг. см. в статье Д. Ногалеса, а также в отдельной главе его докторской диссертации: *Nogales Rincón D.* Confesar al rey en la Castilla bajomedieval (1230–1504) // Pecar en la Edad Media / Eds. A. I. Carrasco, M. P. Rábade. Madrid, 2008. P. 55–80; *Idem.* La representación religiosa de la monarquía castellano-leonesa: la Capilla real (1252–1504). Universidad Complutense de Madrid, 2009 (на правах рукописи). P. 191–242. См. также ставшие классическими работы: *Alonso Getino L. G.* Los dominicos españoles confesores de Reyes // Ciencia Tomista. 1916. T. 14. P. 374–451; *López A. O.* Confesores de la familia real de Castilla // Archivo Ibero-Americano. 1929. T. 31. P. 6–75.

³⁴ Подробнее о Педро Гальего см.: *Marquant H.* Pedro Gallego OFM (†1267) y la ciencia. ¿Escritor, Compilador, Traductor? Una reflexión traductológica // La labor de traducción de los franciscanos / Ed. A. Bueno García. Madrid, 2013. P. 127–144 (и приведенную в этой статье библиографию).

³⁵ *López A. O.* Fr. Pedro Gallego, primer Obispo de Cartagena (1250–1267) // Archivo Iberoamericano. 1925. T. XII (70). P. 65–91.

³⁶ *Gil de Zamora J.* De praeconiis Hispaniae / Ed. M. de Castro y Castro. Madrid, 1955.

³⁷ О взаимоотношениях Санчо IV и его жены, Марии де Молина, с францисканцами см. подробнее: Ibid. P. XCVIII–CV; *Moreta Velayos S.* Notas sobre el franciscanismo y el dominicanismo de Sancho IV y Maria de Molina // VI Semana de Estudios Medievales. P. 171–183; *Nieto Soria J. M.* Sancho IV de Castilla (1284–1295). Gijón, 2014. P. 196.

³⁸ *Loaysa J. de.* Crónica de los Reyes de Castilla Fernando III, Alfonso X, Sancho IV y Fernando IV (1248–1305) / Ed. A. García Martínez. Murcia, 1982.

³⁹ “Deinde Maioritum et postea debilis multum accessit Toletum ubi diem clausit extremum, era M^oCCC^oXXIII^o die V^o exeunte aprili. Sepultus autem fuit in ecclesia cathedrali civitatis predictae, in qua pridem fuerat coronatus, in capella regis eiusdem, regia sepultura, assumpto tamen ante mortem habitu ordinis beati Francisci” (Loaysa, Jofré de. Crónica de los Reyes de Castilla Fernando III, Alfonso X, Sancho IV y Fernando IV (1248–1305) / Ed. por A. García Martínez. Murcia, 1982 (далее – CRC). CCXXIV. 57).

⁴⁰ *Escudero de la Peña J. M.* Privilegio rodado e historiado del Rey Don Sancho IV // Museo Español de Antigüedades. 1872. T. 1. P. 91–100.

⁴¹ “Por todas estas cosas sobredichas e por que en essa sancta Iglesia reçibimos por la graçia de Dios la onrra de nuestro coronamiento quando fuemos reçebido por rey en la muy noble çibdat de Toledo, e por mas ennoblesçer los caualleros e los çibdadanos e los otros omnes buenos que moran en la muy noble çibdat sobredicha e moraran daqui adelante, escogemos nuestra sepultura en la sancta Iglesia de sancta Maria la sobredicha. E quando uoluntad fuere de Dios que finemos mandamos que nos entierren en aquel lugar que nos ordenamos con don Gonçaluo arçobispo sobredicho, e con el dean don Miguel Xemenez, e con las personas e canonigos que conusco eran en san Yuste de Alcalá. E reuocamos todo prometimiento que fecho ouiessemos, por escripto o por palabram de fecho de nuestra sepultura en otro lugar e mandamos que non uala. E sennaladamientre el prometimiento que auemos fecho, de nos enterrar en la casa del Conuento de los ffreyres menores de Toledo” (Ibid. P. 97).

⁴² *Nogales Rincón D.* Confesar al rey en la Castilla; *Idem.* La representación religiosa de la monarquía castellano-leonesa. P. 586.

⁴³ *Catalán D.* El taller historiográfico alfonsí: métodos y problemas en el trabajo compilatorio // Romania. 1963. T. 84. P. 354–375; *Gómez Redondo F.* Historia de la prosa medieval castellana. Vol. I: La creación del discurso prosístico: el entramado cortesano. Madrid, 1998. P. 959–979.

⁴⁴ О литературной деятельности Санчо IV в контексте его эпохи см.: *Kinkade R. P.* Sancho IV: Puente literario entre Alfonso el Sabio y Juan Manuel // Publications of the Modern Language Association (PMLA). 1972. T. 87(5). P. 1039–1051 (с приведенной в статье библиографией).

⁴⁵ “Onde por todas estas cosas, yo don Alfonso, por la gracia de Dios rey de Castiella, de Toledo, de León, de Gallizia, de Sevilla, de Córdoba, de Murcia, de Jaén e del Algarbe,

fijo del muy noble rey don Fernando e de la muy noble reina doña Beatriz, después que ove fecho ayuntar muchos escritos e muchas estorias de los fechos antiguos escogí d'ellos los más verdaderos e los mejores que y sope e fiz ende fazer este libro. E mandé y poner todos los fechos señalados tambien de las estorias de la Biblia como de las otras grandes cosas que acaecieron por el mundo desde que fue comenzado fasta'l nuestro tiempo" (General Estoria, Primera Parte. Интернет-ресурс: <http://www.rae.es>. Sánchez-Prieto Borja, P., Díaz Moreno, R., Trujillo Belso, E. Edición de textos alfonsies en Real Academia Española: Banco de datos (CORDE) [en línea]. Corpus diacrónico del español, 2006. Точка доступа: 01.02.2017).

⁴⁶ "E si es del tiempo en que están, maguer saben los comienços de los fechos que en él se fazen, porque non pueden saber la fin cuál será tenemos que non lo saben complidamiente" (Ibid.).

⁴⁷ Funes L. Op. cit.; Gómez Redondo F. De la crónica general a la real. Transformaciones ideológicas en Crónica de tres reyes // La Historia alfonsí: el modelo y sus destinos (ss. XIII–XIV). Madrid, 2000. P. 95–123; Hijano Villegas M. Op. cit.

⁴⁸ Текст транскрибирован, переведен и подготовлен к печати при поддержке проекта РГНФ №16-03-00727 «Представления о королевской власти в королевстве Кастилии и Леона XIII – первой половине XIV в.».

⁴⁹ Игра слов: *el gran can* может переводиться и как «великий хан», и как «великий кобель».

⁵⁰ Имеется в виду дон Нуньо де Лара, один из знатнейших магнатов двора Альфонсо X.

⁵¹ Имеется в виду Пуэрто-де-Санта-Мария.

⁵² В этой фразе хронист перепутал все, что только можно. Во-первых, король Португалии Альфонсо III был женат на Беатрис – внебрачной

дочери Альфонсо X и доньи Майор Гильен; магнат Педро Гусман приходился Беатрис дедом, а не отцом. Во-вторых, кортесы в Толедо в тот год не собирались, Альфонсо X уехал туда только в 1269 г.

⁵³ Императрица Мария де Куртене, жена последнего императора Латинской империи Бодуэна II де Куртене. В поисках средств, необходимых ему для успешного правления, Бодуэн взял займы у Венеции и у Людовика IX Святого. В обеспечение своего займа венецианцам он оставил своего сына и наследника – Филиппа де Куртене, которого затем и выкупил Альфонсо X Мудрый. См. об этом: Wolff R.L. Mortgage and Redemption of an Emperor's Son: Castile and the Latin Empire of Constantinople // Speculum. 1954. Vol. 29 (1). P. 45–84.

⁵⁴ Кинталь – мера веса, равная 100 ливрам. В Кастилии была равна примерно 46 кг.

⁵⁵ Имеется в виду так называемый оммаж в руке – форма принесения клятвы представителями знати, когда человек, дающий некое обещание, вкладывал свою руку в руку своего визави, которому давал обещание.

⁵⁶ В первых строках этой главы речь идет о событиях так называемого *fecho del imperio*: в 1257 г., после смерти Конрада IV в 1254 г. и Виллема II Голландского в 1256 г., часть электоров Империи избрали королем римлян Альфонсо X. В 1274 г., уже после фактического краха своих имперских надежд, Альфонсо X отправился в Бокер (Франция) на встречу с папой Григорием X. В отсутствие короля в Кастилию вторглись мавры, что повлекло за собой целую серию трагичных последствий. Конкретно в этом эпизоде упоминается о смерти в 1275 г. инфанта Фернандо де ла Серда, выступившего на войну с маврами, но скоропостижно скончавшегося в пути, в городе Вилья-Реаль.

LIBERATUS A SUSPENDIO: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА VS. ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЮЖЕТ¹

Поводом для моей статьи послужила короткая публикация голландского исследователя Йелле Купманса, в которой рассматривалась любопытная история, приключившаяся в Париже с юным анжуйцем по имени Кристофль Бюэг, приговоренным к повешению за убийство в сентябре 1528 г.² Обстоятельства его казни оказались столь удивительными, что заслужили самое пристальное внимание современников. Познакомимся с ними и мы.

* * *

19 сентября 1528 г. Кристофль Бюэг, молодой человек 20 лет, был «повешен и задушен» (*pendu et estranglé*) на площади Мобер в Париже. Как только его вздернули «на лестнице» (*jecté de l'échelle*) и сочли умершим, его тело сняли, дабы отправить на виселицу Монфокон, «как это было заведено» (*en la maniere acoustumée*). Однако в тот момент, когда Кристофля водрузили на повозку, выяснилось, что он остался «совершенно жив» (*tout vif*). Собравшиеся на площади зрители были возмущены подобным отправлением правосудия, а потому осужденного освободили от наказания и отвезли в монастырь кармелитов. Свидетели этого события расценили случившееся как чудо (*miracle*), поскольку Кристофль перед тем, как быть повешенным, многократно просил палача не приступать к экзекуции, пока он не вознесет молитву Деве Марии, слова которой он уже начал произносить. И все же, несмотря на свое обещание (*non obstant sa promesse*), палач стал готовиться к казни прежде, чем Кристофль завершил свое богоугодное дело.

Подробный рассказ об удивительном происшествии, имевшем место на площади Мобер, оставил нам один из очевидцев события – Николя Версори, адвокат Парижского парламента (1519–1530) и автор «Книги Разума» (*Livre de Raison*)³. Впрочем, сам он весьма сомневался в том, что стал свидетелем чего-то сверхъестественного: он писал, что палач не рассчитал, как того требовал обычай, время и Кристофль недостаточно долго пробыл повешенным⁴. Однако современники Версори придерживались иной точки зрения и полагали спасение молодого анжуйца от смерти не просто чудом, но вмешательством в его судьбу самой Девы Марии. Таково было мнение